

КАК ЖИВУТ И УМИРАЮТ МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТНЫЕ СИСТЕМЫ

Судьба балтийско-черноморской системы в XVI — XX веках

В.Л. Цымбурский

Впервые замысел работы о балтийско-черноморской зоне возник в 1990 г. и обсуждался с В.М. Сергеевым, которому выражаю свою благодарность за ценные уточнения.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Для понимания российской геополитики исключительное значение имеет эпоха XVI — XVII вв. — время Московского царства. Царству предшествует "эмбриональная" фаза нашей истории, включавшая пребывание группы русских княжеств под Золотой Ордой, их сплочение, русское участие в разрушении этой евразийской империи. А следует за Царством уже фаза петербургская, когда Россия сцепляется с романо-германской Европой в комплекс, который я рассматриваю как геополитическую систему цивилизаций "Европа — Россия". Московское царство — ступень между состоянием Северо-Восточной Руси, погруженной в Евразию, и положением России как претендента на звание "европейской державы". На этой ступени Московия предстает, одним из силовых фокусов ареала, простершегося от Балтики до Дарданелл и жестко структурированного в ту пору внутренним балансом сил и автономным рисунком конфликтных отношений.

Обозначенная эпоха поэтому представляет немалый интерес и для той отрасли в политологии, которая занимается анализом международных систем, их типологией, функционированием и метаморфозами. На Западе эта отрасль, возводимая ее адептами к Фукидиду и Макиавелли, образовала в нашем веке солидную парадигму авторитетных имен и классических работ (1, с.204-212, 360-365; 2; 3; 4; 5; 6, с.94-149; 7, с.85-96). В России она заявляет о себе как дисциплина, обращенная к проблемам современной политики, лишь под конец столетия (8). Однако отечественные историки уже с 1960-х профессионально оперируют динамикой международных систем Восточной и Западной Европы применительно к концу Средних веков и началу Нового времени. Особенно здесь надо упомянуть труды И.Б. Грекова и Б.Ф. Поршнева (9; 10; 11; 12). Заслуга этих авторов в том, что они приложили системный подход к сообществам, по своему строению непохожим на объекты, с которыми обычно работает западная теория силового баланса и систем, возникающих на его основе. Ибо эта теория по сути обобщила опыт Запада в Новое и Новейшее время. Поэтому практикуемое ею различение биполярных и многополярных систем явным образом опирается на сравнение советско-американского противостояния во второй половине XX в. с теми конфигурациями, которые знала Европа с XVII в. по первую мировую войну. Последние и рассматриваются на правах многополярных.

Между тем, как я писал в другой статье (13), многополярность Западной Европы в те времена выступает в своем роде превращенной формой биполярности, противопоставившей восточный (центральноевропейский) и западный (смежный с Атлантикой) силовые центры романо-германского субконтинента. Первичное выражение этой биполярности — борьба Франции с габсбургской Австрией (Священной Римской империей германской нации) в XVI — XVII вв. Затем до середины XVIII в. все блоки в Европе сводятся к перегруппировкам сил вокруг Франции и Австрии. Далее расклад осложняется тем, что — сперва при французской поддержке — в Германии возвышается, соперничая с Австрией и тесня ее, Пруссия Фридриха II, альтернативный претендент на роль восточного центра Европы. Более 100 лет восточный центр

пребывает расщепленным, разделяясь на лидера и претендента, причем лидерство Австрии поддерживается помощью России — внешней вспомогательной силы. Во второй половине XIX в., с отходом России от европейских дел после Крымской войны, Пруссия берет верх и классическая биполярность возрождается в противостоянии Франции и возглавляемого Берлином германского блока. Явное преимущество Центральной Европы втягивает в континентальную игру "державы-острова" — Англию, а затем США — на правах основных сил реорганизуемого западного центра. Итак, применительно к коренной Европе ее пресловутая многополярность в прошлом может рассматриваться как ряд трансформаций базисной (глубинной) биполярности — т.е. в качестве многополярности ложной.

Иную картину видим в Восточной Европе времен существования Золотой Орды или на балтийско-черноморском пространстве XVI — XVII вв. Здесь мы сталкиваемся с многополярностью подлинной, которая не скрывает за собой глубинной бинарности и потому не тяготеет к распределению по двум блокам с устойчивыми центрами. Здесь из трех или четырех равносильных центров каждый играет против двух или трех. Союзы их неустойчивы и редки, и возможны трудно пред ставимые в Западной Европе случаи, когда из трех смежных держав каждая пребывает в состоянии объявленной войны с двумя соседними: так, например, выглядели отношения России, Польши и Швеции в 1650-х.

На этом материале мы вынуждены переосмыслить привычные понимания "международных систем" таким образом, чтобы, различая их глубинный и поверхностный уровни, развести ложную и подлинную многополярность. Часто в политологии всякую систему понимают как совокупность объектов, взаимодействие которых обеспечивает некий контроль над их поведением (7, с.26). Не следует ли считать, что глубинный и поверхностный уровни международной системы образуются разными видами сущностей и разными типами отношений между ними, при том что единицы и отношения одного уровня могут всегда преобразовываться в единицы и отношения другого? Поскольку речь идет о силовом раскладе, поверхностный уровень системы — это множество сравнимых по мощи центров на данном пространстве и совокупность конфликтных отношений между ними. На уровне же глубинном мы имеем опорные геополитические роли, характерные для пространства данной системы, и напряжение между ними. Это напряжение может на поверхностном уровне преобразовываться в актуальные конфликты или нейтрализоваться, порождая в последнем случае союзы силовых центров. Например, для глубинного ролевого расклада европейской системы XVI — первой половины XX в. константой являлось наличие восточнее Рейна центра силы, противостоящего западному, приатлантическому центру. При расщеплении восточного центра на лидера и претендента любой из них способен в ущерб сопернику сблизиться с западным центром. Существенно, однако, то, что при этом как минимум один центр на востоке в качестве противовеса западному все равно сохраняется. Кроме того, как только один из этих субцентров-соперников становится в своей части системы полным гегемоном, он немедленно оказывается общеевропейским конкурентом и антагонистом западному центру, хотя до того действовал с ним в ближайшем сотрудничестве. Этой формулой задаются конфигурации всех больших антагонизмов, потрясавших Западную Европу после 1500 г.

Такое понимание международной системы имеет прямое отношение к нередко обсуждаемому специалистами вопросу о том, где проходят границы подобных образований. Р.Арон видел в системе "ансамбль политических единиц, которые связаны регулярными отношениями и могут все вместе быть вовлечены во всеобщую войну между ними" (6, с.94). Но не очень ясно, что такое "регулярные отношения", и можно спорить о том, всегда ли государства, втянутые во "всеобщую войну", принадлежат к одной и той же системе. Довольно сомнительно, что во вторую мировую войну в одну систему входили Германия и Япония, которые, объявив себя союзниками, действовали порознь на разных

пространствах и, похоже, за всю войну не оказали друг другу сколько-нибудь существенной поддержки. В отличие от Арона Поршнева понимал под международной системой сложнейшую сеть разнородных объективных связей, в строении которой часто не отдают себе отчета охваченные ею правители и народы (11, с.22). При этом, с одной стороны, границы системы оказываются сугубо условны, ибо подобная сеть уходит в дали необозримые (если Поршнева включает в Европейскую систему XVII в. Турцию и Московское государство, то непонятно, почему бы ему сюда не зачислить и Иран, а заодно и империю Великих Моголов). А поскольку все оказывается связано со всем, исследователь получает возможность рассматривать совпадающие по времени конфликты на разных пространствах как эпизоды одной и той же "всеобщей войны". Таким способом Поршнева истолковывал борьбу государств в балтийско-черноморской зоне первой половины XVII в. как продолжение антагонизма Австрии и ее неприятелей, прежде всего Франции, в Западной Европе, а потому эффектно, но не бесспорно объявлял Россию тех лет участницей Тридцатилетней войны (12).

Я трактую международную систему на поверхностном ее уровне как систему конфликтную, т.е. как группу силовых центров, связанных между собой таким множеством конфликтных отношений, которое может рассматриваться как замкнутое в пределах этой группы и при этом задающее все возможности игры для ее членов. Как уже сказано, такая конфликтная система в своем функционировании, порождая разнообразные конфликты, выражает наличное на глубинном уровне напряжение между важнейшими геополитическими ролями, которые сведены на данном пространстве в одну конфигурацию.

Арон и Поршнева противопоставляли изучение международных систем традициям геополитики, трактующей государство как политическое оформление особенностей пространства и почвы. Правом ли такое представление? Каждый раз, когда складывается конфликтная система, охваченный ею ареал вычленяется на земной поверхности как особый мир политических отношений, опирающихся на географические показатели. Именно геополитическое строение такого ареала выявляется и закрепляется через воспроизводящееся в поколениях устройство конфликтной системы, через конкуренцию и борьбу ее центров.

Надо решительно отклонить мысль некоторых западных политологов о функциональной недифференцированности элементов международной системы в отличие от элементов системы социальной (5; 7, с.85). Конфликтная система не только придает своему пространству геополитическую индивидуальность. Она функционально дифференцирует его центры в отношении к целому — к этой возникшей индивидуальности ареала. Добиваясь для себя гегемонии, каждый центр в конечном счете стремится организовать целое ареала, конституированное системой, под знаком доминирования над этим целым геополитической роли, которую данный центр играет в борьбе, собственно, и составляющей жизнь системы.

Как возникают подобные системы? Какие изменения они могут переживать в своей истории? Могут ли они деградировать и умирать? Какие информационные следы они способны, исчезая, оставить в последующей истории народов? Повторяю, политолог, задающийся этими вопросами, найдет для себя неоценимый материал в "биографии" балтийско-черноморской системы (далее БЧС), чьи стадии документируются с уникальной отчетливостью и полнотой.

ЭМБРИОГЕНЕЗ КОНФЛИКТНОЙ СИСТЕМЫ

XVI в. в истории Западной Евро-Азии отмечен рождением четырех конфликтных систем, которые в совокупности своей определяли историю большинства здешних народов до конца тысячелетия, — хотя некоторые из этих систем успели угаснуть раньше. В первой половине века воздвигается бинарная

общеευропейская система в виде антагонизма Франции и Священной Римской империи с присоединенной к ней Испанией. Параллельно оформляются средиземноморско-дунайская конфронтация Габсбургского блока (и союзной ему Венеции) с Портой, а также противоборство последней с шиитским Ираном в Закавказье и Месопотамии. Становление этих великих конфликтов идет параллельно попыткам политиков связать их и интегрировать в расклад "всеобщей войны". Франция и Турция в 1530-х создают "ось" против Империи, которая, в свою очередь, стремится установить контакт с Ираном.

Однако в конце концов "всеобщая война" не удастся. Взаимные симпатии французов и турок, связанных общим недругом — Австрией, — сохраняются надолго, но уже в начале XVII в. Генрих IV и Сюлли, проектируя Европу под Французской гегемонией, исключают из нее Турцию как чужеродную силу. Иран своей активностью будет неоднократно отвлекать султанов от средиземноморской политики — и однако битвы в Закавказье и Средиземноморье никогда не соединятся в один комбинированный поход врагов Порты. Эти три системы частично пересекаются, поскольку одни и те же центры мощи могут получать ключевые позиции более, чем в одной системе. Но эти системы не объединяются, поскольку образующие их конфликты протекают на разных пространствах по собственной логике.

В том же веке возникает и четвертая конфликтная система — БЧС, — предпосылки которой наблюдаются уже в конце XV в. Однако на становление ее уйдет около 70 лет. Почему так получилось? Вспомним, как выглядела Восточная и Северная Европа в 1500 — 1510 гг. Литва, связанная династической унией с Польшей, враждует с Московией. Вместе с тем польские Ягеллоны — в раздорах с Австрией за короны Венгрии и Чехии. Кесарь Максимилиан I пробует сговориться с Москвой против Турции и Польши-Литвы, а вместе с тем погрязает в Итальянских войнах, где поворачивает фронт то против французов, то вместе с ними против Венеции. Москва в конфликте и с Польшей-Литвой, и с Ливонией — протекторатом Империи, пробует дружить с Данией и ссорится с Ганзой. На юге Крым, ставший вассалом Турции, помогает Москве, нанося удары по остаткам польского союзника — Золотой Орды. Помогает, чтобы, добившись успеха, потребовать себе "Ордынского наследства" — гегемонии над Астраханью и Казанью, т.е. практически подключения волжского бассейна к турецко-татарскому Черноморью. Конфликтные отношения — разновидность информационных: так вот, все это переплетение притяжений, отталкиваний, конъюнктур и претензий, вялотекущие раздоры и нереализующиеся союзы создают информационный избыток. Конфликтные напряжения балтийско-черноморского географического интервала не образуют четкой замкнутой группы, расточаясь в ткани взаимодействий, протянувшихся слабоупорядоченно, невыдержанно, с большим простором для импровизаций — от Атлантики в глубину евроазиатского материка. Этот избыток резко редуцируется за последующие полвека, когда из него проступят контуры автономного ареального порядка.

Под турецким напором погибнет власть Ягеллонов в Венгрии и Чехии, незанятые турками остатки этих земель соберутся вокруг защитницы-Вены. Польша-Литва окажется отсечена от европейского юго-востока с идущей там борьбой. Москва выиграет борьбу с Крымом за Волгу, за Казань и Астрахань, получив на востоке огромные протяженности без серьезных противников. Элита Священной Римской Империи, вовлеченная в борьбу на юге и на западе — против Стамбула и Парижа, — утратит интерес к Ливонии — имперскому осколку на Балтике. Дания расколется и выделившаяся Швеция определится как постоянная противница своей бывшей метрополии, контролирующей Зунд. Турция с ее озабоченностью великими конфликтами в других системах в основном препоручит Крыму представлять турецкие интересы к северу от Черного моря, а за собой сохранит власть над проливами. Так от Зунда до Бахчисарая выделится группа центров, конфликтные связи внутри которой будут намного очевиднее и сильнее, чем у любого из этих центров за пределами данной группы.

Последняя стадия кристаллизации системы — третья четверть века, большая битва за Ливонию. Земли Ордена становятся объектом вторжения с нескольких сторон: Империя утрачивает представление о том, кто, собственно, ее противник на этом театре, и попросту умывает руки. По итогам войны ливонские побережья и речные устья получает Швеция. Тем самым она сменяет Орден в качестве важнейшей силы на юго-востоке Прибалтики, притом силы, обладающей опорной базой в Скандинавии и не зависящей здесь ни от одного из двух центров коренной Европы — ни от Вены, ни от Парижа. Удары Ивана IV по Литве ускоряют поворот Польши на Восток и поглощение ею Литвы в 1569 г. При этом украинские земли Литвы передаются собственно Польше, дополняя польскую Галицию. Польские рубежи от Прикарпатья передвигаются к Днепру и Днестру, становясь объектом ударов крымских татар. Наконец, Крым (а за ним и Турция) закрепляет за собой контрольные позиции в разворачивании ливонского конфликта, нанося, по соображениям баланса, удары то по Москве, то по Польше.

Обособление впервые вырисовывавшейся системы от европейской проявляется в провалах (по разным причинам) в 1570-х годах всех попыток избрания на польский престол представителей европейских геополитических центров — будь то Генрих Валуа, в последующем Генрих III Французский, или эрцгерцог Максимилиан Австрийский. Трон получает трансильванец Стефан Баторий, который не проявляет ни малейшего интереса к сотрудничеству с Австрией против турок в Европе, но объявляет истинным ключом к Турции Московию с Волгой и Астраханью, увлеченно разворачивая Польшу от Европы внутрь новой конфликтной системы — БЧС (14, ч.1, с. 138; 15, с.676-681).

Так утверждается известная четырехполярная схема, обнаруживающая в последующие полтора века чрезвычайную свободу перераспределения конфликтного потенциала в отношениях между полюсами Польша — Швеция — Россия — Крым (Турция). Каждый из полюсов в этой системе обладал существенным диапазоном стратегического выбора: крайний северный и крайний южный полюса противостояли двум соседям, сталкиваясь с двойным вызовом и располагая соответствующими вариантами союзов и экспансии. Восточный и западный полюса — Россия и Польша — имели дело с тремя соседями, т.е. со значительно большим числом комбинаций (14, ч.1, с.20 и сл.). К этому четырехугольнику примыкал пятый, зависимый, член — Дания, лишенная свободы выбора и вынужденная кооперироваться с любой силой, действующей против шведов.

Очевидно, что эта система исторически восходит к более раннему множеству силовых центров Литва — Ливония — Москва — Крым. Нельзя ли считать, что это множество уже представляло БЧС в ее раннем состоянии? Едва ли. Пока существовала Казань с прокрымской ориентацией, спорящая с Москвой за бассейн Волги; пока Ливонский Орден считался ответвлением Священной Римской империи; пока Литва была сцеплена с Польшей, пытающейся сформировать свое династическое пространство в Юго-Восточной и Центральной Европе; пока для этой "европейской" Польши Литва с украинскими землями была скорее буфером, закрывающим польские области, в т.ч. Галицию, от "евразийского" Крыма — до тех пор мы видим в этом регионе лишь переходную зону между романо-германской Европой и протяженностями Евразии, зону, открытую в своих конфликтных отношениях во все стороны. Конфликтная система возникает, когда отсекаются или отсыхают "лишние" связи и когда оставшиеся в своей совокупности оказываются политическим оформлением пространства, в котором они замкнуты, — оформлением, индивидуализирующим это пространство и тяготеющим к тому, чтобы достоверно выразить "получившуюся" географическую структуру. Конфликтная система решает ту же задачу, которую по-другому могла бы решить, в случае своего возникновения на этих землях, региональная империя. Поэтому преобразование в империю представляет одну из тенденций системы и один из возможных пределов ее развития.

Итак, в XVI в. восточноевропейское "междумирье", разделявшее и связывавшее полуостров Европу и глубинную Евразию, распадается на два территориальных массива с разной судьбой: один образуют земли официально принятые под свое управление восточным центром "коренной" Европы (Чехия, Венгрия); другой отходит под центры БЧС. Здесь расходуется судьба Польши с венгерской и чешской судьбой.

БЧС: УТРО И ПОЛДЕНЬ

Как выглядела геополитическая опорная структура БЧС? Как она соотносилась с наблюдаемым распределением центров силы?

С точки зрения этой глубинной структуры, Турция и Крым исполняли единую роль "хозяина черноморских проливов и низовий черноморских рек" — в геополитическом отношении, несомненно, прав один давний военный автор, писавший: "Истинные устья Днепра и Дона не в Херсонесе и Таганроге, а в Дарданеллах" (16). На севере изоморфная функция "хозяина Зунда и низовий балтийских рек" оказалась из-за распада в XVI в. Датской державы антагонистически разделена между Данией и Швецией, причем Швеция специализировалась в качестве "властительницы речных низовий". Видно, как, овладев в том же веке невским устьем, она затем борется в XVII в. за контроль над устьями Западной Двины, Немана, Вислы, Одера, Эльбы. Наконец, Польша и Россия "держали" огромный промежуток между Балтийским и Черным морями, опираясь на речные верховья и средние течения. Россия владела верховьями Дона и озерно-речной системой, ведущей к Юго-Восточной Прибалтике, а контроль над Волгой позволял русским грозить низовьям Дона и Крыму. Включение Польши в БЧС отвечало отсутствию какого бы то ни было естественного барьера между Польшей и Русской равниной (Чехию и Венгрию от этой равнины отсекали Карпаты). Кроме того, по югу Польши проходит полоса гор и возвышенностей (Бескиды) — часть Карпат, которая и отделила страну от областей более южных, охваченных европейской и среди-земноморско-дунайской системами. В основном позиция Польши в БЧС определилась соединением в одних руках обращенной к Балтике стороны этого водораздела (так наз. Малой Польши) с лежащей по другую сторону Карпат Галицией. Благодаря этому Польша получила прямой выход к верховьям Днестра и опосредованный — к Неману (через Полесье) и к Днепру (через Подолию и Приднепровье), естественно связывая, подобно России, речные системы Черного моря и Балтики. Соединение Галиции с Малой Польшей — момент первостепенной важности. Не случайно австрийцы позднее объединили под именем "Галиции" всю эту зону, сделав Малую Польшу "Западной Галицией". Владеющий "Галицией" *sensu latiore* по существу владел "польским местом" в БЧС.

Особую роль в строении БЧС играл пояс земель, идущий от Крыма до Литвы (в старом смысле, с охватом Белоруссии), пожалуй, включая в себя даже и Новгородчину. Это была цепь своеобразных "территорий-ориентиров" для государств — центров системы. Овладевая какой-либо из этих земель, "фокусные" государства автоматически оказывались ориентированы на тот или иной конфликт, который преследовал цель интеграции нескольких ключевых ролей в глубинной структуре БЧС. Так, держание коренной Литвы нацеливало Польшу на Прибалтику, а поглощение Северо-Западной Руси толкало ее к попыткам интегрировать Московию, консолидировать все между-морье. Присоединение Новгорода и Пскова стало для Москвы подступом к Ливонии, так же как занятие Новгорода шведами в начале XVII в., казалось, давало им ключ к Москве. Выход Польши и России к Приднепровью сталкивал каждую из них с Крымом и турками. Выход турок на украинское Правобережье развернул их к Галиции. Можно сказать, что пояс "территорий-ориентиров", составляя меридиональный стержень БЧС, по сути совпадал с землями былой Киево-Новгородской державы (включая Херсонес и Тмутаракань), фокусы же БЧС лежали по сторонам этого стержня.

Система обладала также своего рода "резервами" — я бы отнес к ним земли, обретавшиеся на западе и юго-западе между центрами БЧС и восточным центром европейской системы: таковы Трансильвания, Силезия, Саксония, в первой половине XVII в. — приморская Пруссия. Польше эти земли дали ярких лидеров (Стефан Баторий) и кандидатов на лидерство (Дьердь Ракоци II), а в XVIII в. само государственное существование Польши опиралось на династический союз с Саксонией.

Особенностью БЧС являлась ее высочайшая гетерогенность (в терминах Р.Арона). Ее центрами силы были государства, представлявшие две ветви западного христианства (католицизм и лютеранство), ислам и русское православие. Поэтому под определенным углом зрения мы можем здесь обнаружить столкновение цивилизации северного православия с центрами силы, сложившимися на геокультурных перифериях цивилизаций Западной Европы и Ближнего Востока. Мне уже доводилось писать о гигантском поясе цивилизационных периферий — Великом Лимитрофе, проходящем через Евро-Азию от Финляндии до Кореи, так что по одну сторону от него обретаются "цивилизации незамерзающих морей", а по другую — Россия (17). Большая часть БЧС приходилась на земли Великого Лимитрофа. При этом любопытно, что внутри себя эта система допускала два различных членения. Причерноморские степи от Молдавии до Кавказа отдаляли исламский центр силы с его крымским "филиалом" от трех центров христианских, лежавших в зоне северных лесов Евро-Азии. Так прочерчивалась широтная ось системы. Но в то же время полоса "территорий-ориентиров" — меридиональная ось — противопоставляла Россию трем остальным центрам, западнохристианским и мусульманскому, вместе взятым, как "восточной" — "западным". В результате строение БЧС оказывалось как бы спроецированным на сам Великий Лимитроф уменьшенным аналогом взаимного расположения цивилизаций Западной Евро-Азии. Аналогом Великого Лимитрофа — можно сказать, "лимитрофом в Лимитрофе" — представляла композиция меридиональной и широтной осей этой системы, причем украинские земли, лежащие на пересечении осей, становились подлинным средоточием обоих членений БЧС, ее сердцевинной. Россия же в ее рамках, как и в масштабах всего Старого света, получала относительно иных геокультурных сообществ положение "транспериферийной" Земли за Лимитрофом, "островитянский" сдвинутой во внецивилизационную глубину евроазиатского севера.

Жизнь системы с момента кристаллизации переполнена борьбой, нацеленной на имперское связывание ее фокусов в различных политических проектах Больших Пространств. БЧС становится для лидеров каждого из четырех центров их миром "от моря до моря", который при благоприятных условиях может и должен быть преобразован в их империю. Возможно, первый шаг в этом направлении был предпринят в самый момент рождения системы турецко-татарским центром. Во всяком случае, так получается, если верить тем историкам, которые полагают, что во время наступления Селима II на Астрахань (1569 г.) и последующих крымских ударов по Москве в 1570 — 1572 гг. с требованиями возвращения Казани и т.д. "речь шла о подчинении Порте и Крыму всего московского государства, о восстановлении Ордынского ига над русскими землями" (10, с.266 и сл.) как бы в ответ на слияние Литвы с Польшей. В литературе высказывалось мнение, что этот проект сорвался во многом из-за недостатка взаимного доверия между Стамбулом и Бахчисараем (18).

В дальнейшем более 100 лет Турция трактует БЧС как второстепенный театр своих интересов, а Крыма достает лишь на то, чтобы попеременными ударами добиваться ослабления своих соседей. В это время большие интегративные планы возникают в "христианском треугольнике" системы. Уже Ливонская война впечатляет тем, что по ходу ее "борющиеся стороны выдвигают самые разнообразные и неожиданные проекты новых государственных границ. Так, Иван Грозный требовал присоединения к Московской Руси не только Ливонии, Полоцка, но и Киева, и всех территорий, подпадавших под понятие "всея Руси".

Правительство Польско-Литовского государства неоднократно высказывало претензии на Прибалтику, Новгород, Псков, Смоленск и другие русские земли" (9, с.371). Тот же геополитический "большой стиль" сквозит в послевоенном предложении Стефана Батория Федору Иоанновичу — о провозглашении русского и польского монархов наследниками друг другу и объединении держав после кончины любого из них (14, ч.1, с. 183). Тогда же в 1585 — 1586 гг. Баторий неоднократно выражал уверенность, что после смерти Ивана IV альтернативами явятся либо новое наступление Турции и Крыма в Поволжье с превращением Московии в гигантский турецкий плацдарм, либо, наоборот, оккупация России Польшей до Астрахани с последующим мощным ударом по Турции из ее закавказского и балтийско-черноморского тыла (15, с.677 и сл.).

Крупнейшими имперостроителями в БЧС XVI — XVII вв. несомненно стали короли династии Ваза. Среди перипетий их борьбы за сборку "христианского треугольника" системы наблюдаем и стремление польских Ваза (Сигизмунда II, Владислава IV) к коронам Швеции и России, шведских Ваза (Карла IX, особенно Густава II) к престолом России и Польши; и предприятие Лжедмитрия I, на короткий срок, казалось, воплотившего планы Батория; и Северную войну Карла X, когда в 1655 г. шведы достигли Малой Польши (Кракова), а бывшая с поляками в войне Россия стремительно переменяла фронт, предотвращая появление "сверхдержавы" от Скандинавских гор до Карпат; и, наконец, походы Карла XII. Гетерогенность системы расколола Ваза на католических и протестантских, и можно понять Сигизмунда III, воспрепятствовавшего коронации Владислава в Москве, т.е. возникновению еще и третьей, православной ветви Ваза. Впрочем, история БЧС видела с русской стороны кандидатуры Ивана IV и, с гораздо большими шансами, Алексея Михайловича на трон Польши, и впечатляющий план А.Ф.Ордина-Нащокина — русско-польский блок, который стремился бы к подминанию обоих приморских флангов системы.

Надо иметь в виду также следующее: если северную часть меридионального стержня системы страны "христианского треугольника" крепко держали в своей власти (ср. почти одновременную интеграцию Литвы в Польшу и "контрольные" погромы Ивана IV в Новгороде и Пскове), то на юге агрессивность полусуверенного Крыма вызвала к жизни встречную организацию русского и украинского казачества. Можно сказать, с юга стержень оказался незакреплен; отсюда, из краев его пересечения с широкой степной осью, исходили геополитические инициативы деятелей вроде кн. Д.Вишневецкого или Б.Хмельницкого, предполагавшие экспансию казаческого "ордена" внутри БЧС помимо ее "фокусов" с прямой опорой на оси (от Крыма до Литвы, от Прикавказья до Молдавии) и отчасти на резервы системы (Трансильвания).

Что можно сказать теперь о мнении Поршнева, что якобы борьба в этом ареале в первой трети XVIII в. прямо продолжала войну Габсбургов с их противниками в Западной Европе и потому государства, которые я включаю в БЧС, должны рассматриваться попросту как члены европейской системы? Прежде всего нужно сделать одно замечание о месте Швеции в конфликтных системах рассматриваемого времени. Неоспоримый факт, что при Ришелье сперва Дания, а после ее неудачи Швеция вовлекаются Францией в европейский расклад с возложением на них задачи — создать на севере Германии агрессивный "меньшой центр-претендент", ослабляющий здесь австрийские позиции. Через 100 лет в войну за австрийское наследство Франция повторит тот же прием, и, не рассчитав, выпустит на сцену Европы как черта из табакерки Пруссию Фридриха II.

Поршнева хорошо показал (12) раздвоение Густава II Адольфа между задачами, привязанными к двум разным конфликтным системам, — между намерениями создать северо-германскую "империю" и желанием присоединить Польшу к Швеции, возможно, передав какие-то земли прежней Литвы Москве как союзнице. Эта "охота за двумя коронами" (12, с.375) сковала Густава Адольфа и в

германских его акциях, и помешала ему оказать союзническую помощь России против Польши в 1632 г. Из книг Поршнева видно, насколько осложняло политику Швеции ее пребывание сразу в двух смежных конфликтных системах — в одной в качестве центра, в другой на правах вспомогательной силы — и необходимость согласовывать политику в этих системах так, чтобы не попасть в них под удары одновременно. Понятно, что при этом Франция, стремясь развязать шведам руки в Германии, была заинтересована в разжигании войны России с Польшей, — чтобы Швеции ничего не угрожало в пределах БЧС и она могла бы играть всецело "на европейском поле". Напротив, Австрия, намереваясь оттянуть шведов из Европы, замкнуть их в БЧС, желала статус кво в отношениях Польши и России, чтобы поляки имели, при нужде, свободу рук против шведов: понятно, что москвиты, добивавшиеся реванша за потери Смутного времени, могли здесь предполагать сговор поляков и австрийцев как "папешников".

Я вижу, однако, в такой ситуации отнюдь не картину "всеобщей войны", вызываемой наступлением Контрреформации в Западной и Восточной Европе, а озабоченность каждого из двух конкурировавших центров Западной Европы пребыванием Швеции в двух конфликтных системах сразу. И Австрия, и Франция разрабатывают свой вариант гарантированного разъединения европейской системы и БЧС с тем, чтобы шведы могли действовать всецело в какой-то одной системе, не будучи затрагиваемы тем, что творится в другой. Все сказанное, разумеется, очень далеко от тезиса о "вступлении России в Тридцатилетнюю войну". Похоже, попытка играть сразу на двух полях входила в претенциозные намерения Густава Адольфа, так зато и кончилась она провалом. Думается, именно подспудное недоверие москвичей XVII в. к шведскому союзнику с подобной раздвоенностью интересов выразилось в распространенном среди них мнении о заведомой безнадежности и неоправданности Смоленской войны 1632 — 1634 гг. — поистине "незнаменитой" войны этого века (14, ч.1, с.318 и сл., 323).

Во второй половине столетия мы наблюдаем не только интенсивную жизнь БЧС, но и первую приметку ее будущей деградации. По аналогии со Смутным временем России можно назвать 1648 — 1673 гг. Смутным временем Польши. Оно начинается с того, как Владислав IV в противовес шляхте пытается сделать ставку на казаков Б.Хмельницкого и тем самым, правда уже посмертно, вызывает казацкое восстание (11, с.209-237). Союз Хмельницкого с Крымом, его колебания в 1649 — 1652 гг. между Стамбулом и Москвой (14, ч.1, с.421-429), его трансильванские и молдавские походы, планы возмущения Литвы и т.д. "расшатала" ось системы. Перед картиной явного "неустройства" Польши Карл X и Алексей Михайлович уже видят себя польскими королями. Готовясь двинуть войска на Украину, московская верхушка воспринимает геополитический заряд украинских "территорий-ориентиров", ставит этот поход в перспективу столкновения с Турцией и ощущает себя надеждою православного Востока (19). Увлеченная, по словам Г.В.Вернадского, пафосом православного "экуменизма" (14, ч.2, с.82), она поспешно реформирует русскую обрядность с оглядкой на греческое и украинское богослужение. Как бы в ответ этим чаяниям Турция в начале 1670-х сама выдвигает войска на Украину, на возмущенную меридиональную ось системы и, вторгнувшись в Галицию, с ходу пытается овладеть теми землями, которыми в основном определялось "польское" место в глубинной структуре БЧС. Но этот турецкий "бросок на север", отказ от делегирования Крыму исламской партии в системе и попытки Стамбула использовать момент для собственной имперской сборки в бал-кано-черноморском пространстве порождают антитурецкий союз Польши при Яне Собеском с Австрией и Венецией. Иначе говоря, сегмент БЧС, приходящийся на район Карпат, "сцепляется" с средиземноморско-дунайской системой. Поскольку в состоянии войны с Турцией находится также и Россия, мы можем впервые с натяжкой назвать эту войну "всеобщей", выходящей за рамки одной системы. Но эта "всеобщая" война на юге захватывает лишь ограниченную часть БЧС: системы "сцепляются", но каждая сохраняет свою исходную особую конфигурацию центров, их прежний набор и прежние конфликтные напряжения между ними*.

* Разъединение двух систем с замыканием Турции в какой-то одной из них по примеру Швеции 1630-х было в конце века невозможно, поскольку Турция входила в каждую из двух систем на правах основного центра и выглядела достаточно мощной, чтобы брать на себя инициативу агрессии на обоих смыкающихся полях — балтийско-черноморском и средиземноморско-дунайском

БЧС СКЛОНЯЕТСЯ К МОНОЦЕНТРИЗМУ

Подлинным кризисом БЧС, не какого-либо одного члена этой системы, но ее в целом, стала Великая Северная война 1700 — 1721 гг. Ослабевают центры — носители крупнейших имперских замыслов в XVII в. Петр I оказывается единственным гарантом выживания Польши-Саксонии под шведским напором. Он использует свое положение так, что, к радости антисаксонски настроенной вольнолюбивой шляхты, удаляет саксонские войска с польских земель, превращая последние в буфер на российских границах (1715 г.). Параллельно Швеция проигрывает свою последнюю игру за империю, теряя господство над побережьем Прибалтики. После Ништадтского мира в побежденном Стокгольме складывается сильное пророссийское лобби, которое в 1724 г. втягивает страну в полуклиентельный союз с империей-победительницей. Прутский поход был неудачей Петра, но эту неудачу переигрывает в 1730-х армия Миниха, окончательно завоевав для России устье Дона.

При всем том глубоко ошибочно думать, будто при Петре Россия вошла в европейскую систему: она явно осталась вне баланса сил основного романо-германского субконтинента. Петр пытался нащупать точки политического соприкосновения между Россией и коренной Европой. Но чего он добился? В пору Азовских походов и Великого посольства он пробовал действовать через союз с австрийцами и венецианцами против турок. Но при этом Россия подключилась только как дальний, фланговый союзник к средиземноморско-дунайскому, а отнюдь не к европейскому системообразующему конфликту, на последний влияя крайне слабо и косвенно, не больше чем, скажем, Иран. Война на Балтике в блоке с Данией и небольшими германскими государствами позволила Петру двинуть войска в Германию и тем самым коснуться участка, где БЧС пересеклась с системой Европы. Но недоверчивые союзники откололись от Петра, сепаратно сговорившись со Швецией.

По своим устремлениям Петр был первым петербургским императором, но по своим реальным международным результатам он остался последним московским царем. Он добился лишь того, что Россия стала полным гегемоном в северном треугольнике БЧС, а в глазах Запада — крупнейшей околоевропейской силой, может быть, способной лечь на весы европейского баланса. Именно тогда, с первой четверти XVIII в., начинается долгое соперничество России с Англией — признанным европейским балансиром. С того же времени в политике Франции, тогда главного силового центра Европы, наблюдается новая тенденция к формированию против России шведско-польско-турецкого "восточного барьера". Историки издавна объясняют эту стратегию Франции стечением конъюнктуры — тем, что российское давление на Турцию облегчало положение Вены, слабеющего восточного фокуса европейской системы и этим вызывалась антирусская реакция французов (20). Такое объяснение по праву делает упор на ту склейку систем, которая проходит через XVIII в. и о которой я поговорю чуть ниже. Но примечательно, что даже с уходом этой расстановки сил в прошлое строительство "барьеров" на востоке остается до 30-х годов XX в. излюбленной политикой большинства держав, убежденных в своей способности самим закрепить за собою преобладание в западном сообществе в том случае, если оно пребудет закрытым и в европейский расклад не вмешается внешняя сила. Так пытались действовать министры Людовика XV, Талейран, Наполеон III, Бисмарк — трое последних возлагали функцию "полубарьера" на Австрию, — наконец, устроители Версальской системы. Лишь Третий рейх выбрал другой путь.

Первое изобретение такой стратегии было связано с конкретными условиями — с дегенерацией БЧС. Все члены этой системы, лежащие к западу от ее

меридиональной оси, с 1720-х в своей конфликтной активности ориентируются не друг относительно друга, но только относительно России: шведские милитаристы думают не о покорении Польши, но только о реванше над Россией, турки вместо того, чтобы теснить католическую Польшу, пытаются "защищать" поляков от русского вмешательства в их дела. Первоначальные планы "барьера" эксплуатируют перерождение БЧС в систему, где главный центр абсолютно преобладает над любым из прочих, все равно следуют ли они в его фарватере или являют отчаянные поползновения к удержанию независимости. В этой системе вся жизнь протекает вокруг отношений "спутников" со сверхтяжелым "ядром".

Что до продуктивной политики "сближения с Европой", то русская дипломатия вырабатывает такую политику вскоре после смерти Петра, сделав в 1726 г. Россию союзницей Австрии против Франции. В 1740-х канцлер А.П. Бестужев под именем "системы Петра Великого" провозгласит доктрину союза России и Австрии "по положению их земель" — союза империй, одинаково враждебных к активности Франции или ее креатуры Пруссии в шведско-польско-турецком поясе (21, с.23 и сл.). Система цивилизаций "Европа — Россия" возникает сперва в виде российского союза со старым германским центром Европы, направленного на то, чтобы предотвратить сплочение против России остатков БЧС — цепи местных центров от Балтики до Дарданелл. Эти остаточные силы сохраняли инерцию старой ареальной системы, продолжая строить свою политику в пределах привычного пространства, — с той оговоркой, что теперь эта политика свелась к играм с империей-лидером*.

* То, что позднее поляки возлагали, вопреки истине, на Россию всецелую ответственность за раздел своего государства, объясняется очень просто: из трех соучастников раздела лишь Россия была давним и постоянным контрагентом Польши, лишь ей поляки проиграли вековую игру. Два других соучастника как бы явились со стороны и к ним у поляков не было сколько-нибудь определенного отношения.

Можно констатировать, что при этом старая ось "территорий-ориентиров" внутри БЧС теряет прежнее значение: ни литовско-белорусские области, ни Украина, ни даже Крым больше не имеют самостоятельной структурной роли. Похоже, что меридиональная ось БЧС подавляется складыванием системы "Европа — Россия". Внутри этой системы на роль новой оси выдвигается весь запад БЧС, его давние центры, вместе с некоторыми "резервными" краями: Швеция с Финляндией, Остзейский край, Польша, Карпаты, Турция. В то же время Белоруссия, Украина, Крым оказываются к востоку от этой новой оси, по русской сторону, и этим системно подготавливается их инкорпорация в Россию.

На первых порах совершающаяся метаморфоза могла ускользать даже от весьма зорких наблюдателей. Сохраняющаяся реальность вырожденной БЧС как бы придавала России — австрийской союзнице — характер лежащего в материковой глубине "острова" европейской системы. Именно такой образ России начала 1740-х появляется в записках Фридриха II (цитирую их в переводе С.М.Соловьева): "Россия тогда не имела достаточного веса в европейской политике, чтобы дать перевес той стороне, за которую она стояла. Влияние этой новой империи не простиралось дальше Швеции и Польши". И тут же в ином тоне: "После несчастий Карла XII и утверждения Августа Саксонского в Польше, после побед Миниха над турками русские держали в своих руках судьбы севера; они были так страшны, что никто не мог ждать успеха в нападении на них; ибо, чтобы достигнуть до них, нужно пройти пустыни, и можно было все потерять, если даже ограничиться оборонительной войною в случае их нападения... Для избежания этих опустошений соседи избегают столкновений с Россией, а русские смотрят на союзы, заключенные ими с другими народами как на покровительство которым они удостаивают своих клиентов" (21, с.21). Фантастически двоилось это зрелище страны, "державшей в руках судьбы севера", но якобы неспособной влиять на исход соперничества между европейскими сверхдержавами, третирующей союзников как клиентов и грозящей европейцам бедствиями, но обретающейся вдали по ту сторону неких таинственных "пустынь".

Это документ времени, когда БЧС уже полностью замкнулась на Россию, но система "Европа — Россия" еще пребывала на начальной ступени формирования. Невольное восприятие новой империи как странного "континентального острова" Фридрих обнаруживает сугубо баснословными рассуждениями о мнимых намерениях покойного Петра Великого: "...Петр хотел сократить пространство своего государства, потому что последнее было дурно населено в сравнении с обширностью. Он хотел сосредоточить 12 000 000 человек, расселенных по Империи, между Петербургом, Москвою, Казанью и Украиною, чтобы это пространство было хорошо населено и обработано, остальные же области представляли бы пустыню, превосходную защиту от персиян, турок и татар. Смерть помешала великому человеку привести в действие этот план" (21, с.21).

Вряд ли можно представить идею, более далекую от евразийских проектов Петра под конец его жизни, увлеченного завоеваниями на Каспии и исканиями северного пути в Индию. Но ценность этих записок не в фактографии, а в образе России, который они нам преподносят. Сконцентрированной между Волгой, Балтикой и Украиной, находящейся среди "пустынь", отделяющих ее от турок и татар, от персов и европейцев, и не имеющей вблизи себя соперников, — такой могла в идеале видеться европейцу с воображением ранняя Петербургская монархия, итог геополитического вырождения мира, в котором жило Московское царство.

КАК КОНФЛИКТНЫЕ СИСТЕМЫ ОБРЕТАЮТ ВТОРУЮ ЖИЗНЬ? КАК ОНИ УМИРАЮТ?

Мутация системы в сторону моноцентризма, тем не менее, не доходит в XVIII в. до своего завершения: другая тенденция перекрывает этот процесс и пересиливает его. Надлом Польши и Швеции делает их роли в глубинной структуре ареала как бы "полувакантными", не находящими адекватного воплощения в конфликтном раскладе. Захирение этих государств становится приглашением на "польскую" и "шведскую" роль в БЧС для крупных соседних держав, ранее обретавшихся вне этой системы. Еще в 1650-х гг. Пруссия - Бранденбург, государственное образование из земель балтийско-черноморского "резерва", примкнув к шведскому походу против потрясенной казаками Польши, добывает себе суверенитет над частью Поморья. Удары Петра I по Швеции позволяют Фридриху I Прусскому нарастить эти владения, превратив свое государство в крупнейшую силу на юге Прибалтики. С тех пор при всех разделах Польши прусские короли шаг за шагом "добирают" Поморье, пока, наконец, Венский конгресс не запирает окончательно Швецию на Скандинавском полуострове, узаконив статус Пруссии как держательницы большинства балтийских речных устьев.

Но у пруссаков позиции в Европе были изначально покрепче шведских; их столица лежала не за морем, а в глубине Среднеевропейской равнины. И если Россия, сокрушив шведов, вырастила Пруссию в гегемона Балтики, то Франция, начиная с Амстердамского договора 1717 г., ставит уже не на Стокгольм, а на Берлин как на своего "ручного агрессора" в Германии против Габсбургов. В 1720-х, одновременно с оформлением Россией союза с Веней, Пруссия блокируется с Парижем. Нет нужды, что через 30 лет Австрия при Марии Терезии, с трудом выйдя из военных заварух, сама признает первенство Франции — западного центра — и начнет строить свою политику с ориентацией на Париж. К этому времени Фридрих II, прибрав к рукам Силезию и нависая над Дунайской монархией постоянным вызовом, уже вырастит к востоку от Эльбы самостоятельный, не зависящий от французской благосклонности центр-претендент. Итак, первоначально взлелеянная русскими и французами, Пруссия накрепко соединит две роли — "раскольницы" в восточном центре — конкурента Австрии, стремящегося собрать европейский восток по-своему, и балтийской силы, перенявшей "шведское" место в БЧС.

А что же делается южнее? В 1730-х Австрия и Россия, подавив гражданскую войну между поляками, становятся гарантами внутренне разделенной Польши-Саксонии. Австрийцы уже при первом польском разделе 1773 г. нацеливаются на земли по сторонам Карпат, как малопольские, так и галицийские. С позднейшими разделами они выстраивают свою транскарпатскую "Галицию" в балтийских (лишь незначительно в черноморских) речных верховьях, за столбля за собою в глубинной структуре БЧС "польское" место. Именно за этот край Австрия готова была ввязаться в войну с Россией в начале 1815 г., когда разыгрался наибольший кризис в работе Венского конгресса.

Как видим, во второй половине XVIII в. силы, раскалывающие германский фокус Европы надвое, Пруссия и Австрия, прямо совмещаются с двумя северо-западными фокусами БЧС. Две международные конфликтные системы склеиваются. Я говорю именно о склейке систем. Я призываю отличать ее от описанных выше случаев пересечения систем и от их сцепления, а также от поглощения одной системы другою. Разница в следующем. При пересечении одно и то же государство просто входит в разные системы с их внутренними конфликтами. Причем оно может иметь в этих системах как одинаковый ранг, так и различные: например, в случае со Швецией XVII в., — в одной системе ранг центра, а в другой — сателлита. Системы сцепляются, когда одна и та же страна втягивается в конфликты в двух разных системах и ее противники заключают против нее союз на пространстве, обнимающем смежные сегменты данных систем (скажем, союз Австрии и Польши против Турции в 1670 — 1680-х годах). Склейка систем характеризуется тем, что при ней несколько государств в своих конфликтных отношениях совмещают глубинные позиции, принадлежащие к двум системам. В результате протекание подобных конфликтов может быть одновременно осмыслено в логиках этих разных систем.

Например, в 1790 г. Пруссия выступала против Австрии и России в поддержку их противницы Турции. Можно ли сказать с определенностью, какой из двух логик описывается столкновение пруссаков и австрийцев в это время: продолжается ли памятный по Семилетней войне внутригерманский антагонизм или это борются две силы в БЧС, сохраняя расклад былой польско-шведской конфронтации? Оказывается ли Россия в ту пору, как в Семилетнюю войну, вместе с историческим восточным лидером Европы против агрессивного претендента? Или же она усиливает соседнюю державу междумо-рья против напора с балтийского фланга, точно так же, как она помогала Польше в годы шведской экспансии при Алексее Михайловиче и при Петре I? Указанный конфликт мотивирован логиками обеих систем сразу, и только участие в борьбе Турции, пожалуй, побуждает предпочесть логику БЧС как обладающую большей объяснительной полнотой.

Но чем это явление отличается от простого поглощения системы А системой В? Да тем, что при поглощении члены одной системы, входя в другую, утрачивают то характерное конфликтное отношение, которое существовало между ними до тех пор. Так, в том же XVII в., после ослабления Венеции и ее ухода из больших международных игр, две сохранившиеся позиции сре-диземноморско-дунайской системы — австрийская и турецкая — соединяются с позициями тех же держав в обновляющейся БЧС. По сути остаток первой из этих систем поглощается южным флангом БЧС. Это видно по тому, как в конце 1760-х становится возможным австро-турецкое сотрудничество против России. Немыслимое ранее в эпоху великих битв Габсбургов с Портой — "империей зла", оно вполне аналогично фактам былой временной солидарности польских королей и крымских ханов в войнах с москвитями. При поглощении системы ее логика отменяется. При склейке же две логики синкретизируются, совмещаются, хотя небесконфликтно и порою не до конца.

Различая понятия пересечения, сцепления, склейки и поглощения систем, мы тем самым выстраиваем типологию форм их взаимодействия. При пересечении две системы стыкуются самым внешним образом через входящий в них один и

тот же элемент, но структуры их, как глубинная, так и поверхностная, остаются обособленными. При сцеплении у двух систем соединяется часть поверхностных структур, собственно конфликтных взаимодействий, глубинные же структуры сохраняют автономность. Во время склейки совмещаются части глубинных геополитических структур у двух систем, но остальные их части остаются самостоятельными, поэтому в конфликтах, соответствующих поверхностной структуре склеенного участка, может возникать напряжение и противоречие между логиками двух систем. Когда же система поглощается, значит — ее множество силовых центров становится частью множества центров другой системы и логике этой другой системы подчиняются их отношения. При этом глубинная структура поглощенной системы подавляется, становится простым расширением поля второй системы.

С точки зрения эволюции международных конфликтных систем содержание XVIII в. сводится к тому, что из четырех подобных систем западной Евро-Азии, две за этот век склеиваются (европейская с БЧС), а третья, среди -земноморско-дунайская, ядро которой на континенте образовывали один член европейской системы (Австрия) и один член БЧС (Турция) при этой склейке оказывается поглощена, ликвидирована. За ее счет открывается возможность для существенного расширения пространства и для БЧС, и для системы Европы.

Думается, именно склейкой европейской системы с БЧС, постоянно различавшей "шведскую" и "польскую" позиции, объясняется тот затяжной и устойчивый характер, который обрело раздвоение восточного центра коренной Европы на австрийский и прусский субцентры. Но достойно внимания, что до конца XVIII — начала XIX вв. с новыми актантами БЧС сосуществуют "вырожденные" исполнители тех же ролей, действовавшие на прежних этапах ее истории. Особенно это относится к Швеции, каковая то и дело "взыгрывает", пытаясь себя вести сообразно с прежним своим положением. Таков "набег" в 1788 г. Густава III на Петербург во время русско-турецкой войны, как бы дублирующий наметившееся в те же годы сближение Пруссии с турками. Подобные "призрачные" актанты, сохранившиеся от прошлого, могут быть метафорически представлены как "спайки" или "швы" на местах склейки систем. Венский конгресс окончательно убрал эти рудименты, отняв у шведов остатки Померании и ликвидировав сотворенную повторно Наполеоном I химеру Польши-Саксонии*.

* Такие "рубцы" в системах — вещь обычная. Во второй половине XX столетия система Запада оказалась склеена с надстроенной над нею метасистемой "Европа — Россия", так что Евро-Атлантика сплотилась вокруг западно-атлантического центра, а на место восточного центра выдвинулся внешний противник — СССР (13). При таком положении ФРГ оказалась "рубцом" на стыках систем, призрачным дублером реального противника США, сумевшим однако удачно вписаться в дифференцированный строй евро-атлантического униполюса. Надлом СССР окупается "приглашением" для центра, который смог бы занять положение антизападной силы в системе West and the rest. И если в XXI в. такой центр-противовес сложится, Россия окажется "швом" внутри нового миропорядка.

Можно показать, каким образом процесс склейки, по-новому актуализировавший глубинную структуру БЧС, — что называется вдохнувший в систему вторую жизнь, — преломился в сменявшихся внешнеполитических доктринах царствования Екатерины II. Как известно, первая из этих доктрин — концепция "Северного аккорда", разработанная в 1760-х Н.И. Паниным, — исходила из факта консолидации Западной Европы вокруг франко-австрийского альянса при несомненном главенстве Парижа. Она предполагала добиться замирения на всем балтийско-черноморском пространстве, включая Турцию, и сплотить против складывающегося европейского квазиуниполюса страны Балтики: Данию, Швецию, Пруссию, Польшу и Россию, заручившись содействием Англии как державы-балансира. Нетрудно разглядеть в этом проекте намерение утвердить между коренной Европой и БЧС отношения систем-противовесов, противостоящих друг другу Большим Пространствам, из которых одно должно быть собрано вокруг России. Поэтому, похоже, что в концепции "аккорда" в первый раз нашла геостратегическое воплощение реальность бинарной метасистемы "Европа — Россия". Однако проект Панина все еще опирается на тенденцию

"вырождения" БЧС, трактуя это сообщество не как систему конфликтующих центров, а как блок, конструируемый и направляемый Россией. Пруссия, уже утвердившаяся на Балтике, видится Панину частью этого Большого Пространства России, но Австрия из него пока что жестко исключается и полностью относится к системе Запада.

Австро-турецкий договор против России в 1771 г., а затем и первый раздел Польши позволяли радикально переменить отношение к Австрии. Эта страна превращалась в один из центров реорганизованной БЧС, становилась соседкой России. Система "пробуждалась", возвращаясь к исконной четырехполюсности, и напоминала XVII в. с той только оговоркой, что теперь Австрия как бы играла за прежнюю Польшу, а Пруссия — за былую Швецию. Следствием этого возрождения системы становятся новые отношения с Австрией уже как с державой Балто-Черноморья, совместные планы Екатерины II и Иосифа II, включая знаменитый "Греческий проект", в котором явно раскрылось расширение поля БЧС за счет средиземноморско-дунайского пространства. При этом обретает возрожденную значимость старая меридиональная ось БЧС, и именно ее крымско-украинский юг, выступающий "территорией-ориентиром" всего "Греческого проекта".

"Век Екатерины" — очень необычное время, если к нему подходить с наработанными в последующие века стандартами российской внешней силы и уязвимости. Разделительная полоса между Россией и европейскими центрами, проходившая при императрице Анне и Елизавете по западу надломленной БЧС (через Турцию, Польшу и Швецию), резко передвинулась на восток и, в общем, совпала с литовско-крымской осью XVI — XVII вв. Европа была консолидирована франко-австрийским сближением, т.е., по меркам Н.Я. Данилевского, повернута к внешней экспансии. И впрямь, мощные германские государства расширялись за счет балтийско-черноморских пространств и уже граничили с Россией. Остаточные Польша и Швеция попадают в сферу притяжения Пруссии и с нею вместе в 1787 — 1791 гг. выступают в поддержку Турции, с которой Россия увязает в войне. Повторяю, по всем позднейшим стереотипам это должна была для нас быть гибельная пора. А она, наоборот, запомнилась огромными имперскими приобретениями, растущим петербургским влиянием в Германии и на всем Западе, геостратегическим замахом "екатерининских орлов" и оптимизмом державинских од. Почему так получалось?

На исходе XVIII в. судьбы Западной Евро-Азии, в частности Германии и Оттоманской империи, должны были определиться в зависимости от того, наследие какой из склеенных систем — европейской или БЧС — возьмет верх. В Европе кончившаяся "по нулям" Семилетняя война предельно ясно выявила абсолютный перевес наличной огневой мощи над возможностями комплектования обычных для той эпохи профессиональных армий. Наступил подлинный военно-стратегический тупик. Нереальность больших и малых завоевательных планов казалась очевидной: даже Фридрих II в 1780-е исходил из того, что время европейских войн прошло (22). В таких условиях логика БЧС на востоке обретала самодовлеющую силу, независимую от европейских дел. А значит, германский центр оказывался прочно разделен и Россия в нем — как раньше между Швецией и Польшей — всегда могла выбрать союзников, которые охотно шли ей навстречу, будь то австрийцы или пруссаки. Более того, выбирая в партнеры Австрию, она тут же обретала и поддержку в своих "турецких" планах. При Екатерине II не Европа с ее борьбой вторгается на земли БЧС, а как будто БЧС, этот давний "мир России", охватывает Австрию и восток Германии, подчиняет их своим ритмам и практикам.

В этом-то и состоит редко осознаваемая парадоксальность екатерининской эпохи: Россия в эту пору громко титуловалась "европейской державой", однако европейская геостратегическая игра не стоила ей ни хлопот, ни сил. Потому что в Европе тогда не было большой игры, и никто ее здесь не считал возможной

(бескровная "война" 1778 г. за баварское наследство — тому подтверждение). Все игры шли в БЧС, в привычных для российской политики раскладах этой четырехполярной системы. Легко было нашей империи при таких условиях выступать "европейской державой", когда сама Европа вела себя по законам того мира, в котором русские жили с XVI в. В прошлом, описывая ритмы метасистемы "Европа — Россия", я рассматривал период с 1726 по 1811 гг. как одну из фаз, в которые Россия исполняет функции союзника для тех или иных сил Запада в их тяжбе за баланс и гегемонию на европейском субконтиненте (13). Сегодня я хотел бы скорректировать эту оценку: говоря о развитии этой фазы, правильно будет от Семилетней войны переходить сразу к походу Суворова при Павле I. Время же Екатерины II — интерлюдия, вообще выпадающая из ритма данной метасистемы, десятилетия, когда Европа "отдыхала", а на ее востоке в новых одеждах, с новыми армиями и новым оружием, с участием коренных европейцев — немцев и австрийцев — разворачивались сценарии, совершенно подобные тем, которые на этих же землях протекали при Алексее Михайловиче или Федоре Алексеевиче.

Новый прилив европейского милитаризма, возбужденный Великой Французской революцией и отмеченный переходом к массовым ("народным") армиям, выводит западных политиков и военных из пата. Актуализируется бинарная структура Европы: Австрия восстанавливается на правах центра, враждующего с революционным Парижем и при этом опирающегося на Англию и на Россию. До второй половины XX столетия этот мир уже не вернется к моноцентризму, даже с приставкой "квази-". И в полосе, где склеились две системы, "европейская" логика берет верх над "балтийско-черноморской". Запад БЧС превращается в часть европейского поля, а Турция — центр Бал-то-Черноморья, не склеенный с Западом, переосмысливается в европейское, особенно австрийское "подбрюшье", потенциальный ключ к Юго-Восточной и Центральной Европе.

Когда-то в системе средиземноморско-балтийской Турция была для Австрии "природным врагом"; в рамках БЧС австрийцы могли помогать России против турок или туркам против России; в контексте же европейском Австрия прочно переходит к политике покровительства Турции как "слабому соседу". Восточный вопрос начинает толковаться как часть проблематики европейского баланса. БЧС продолжает жить на правах одной из функциональных схем, определяющих стратегию России и германских государств — ее соседей, но конфликты, описываемые ею, теперь включаются в ритмы и европейской системы, и метасистемы "Европа — Россия". Более того, можно сказать, что между Венским и Версальским конгрессами именно схема "новой" БЧС выступала своего рода геополитическим трансформатором, преобразующим внутриевропейские напряжения в динамику европейско-российской метасистемы и наоборот. Как бы то ни было, автономная БЧС кончилась.

После Венского конгресса Россия, присоединив к себе так наз. Королевство Польское, входит клином между австрийской Галицией и прусским Поморьем, проникая прямо в сердцевину Германии. Все старые геополитические оси обесцениваются. Для политического видения, усвоившего идею "Турции — европейского подбрюшья", роль шаткой оси сразу в двух смыслах — оси между Россией и Европой, но также между Россией и прочими балтийско-черноморскими центрами — переходит попросту к линии границ нашей империи с Пруссией, Австрией и Турцией, причем последняя оказывается по европейскую сторону. После 1815 г. Меттерних и Англия селятся организовать сдерживание русских по всей этой линии (даже с прихватом иранского участка на ее продолжении). Греческая революция 1820-х подрывает эту нестойкую ось, а в 1833 — 1834 гг. Николай I великолепно ликвидирует ее. Пользуясь смутой в Турции, а также австро-немецкими страхами перед революционными поветриями из Франции, он покровительственно-оборонительными договорами замыкает Вену, Берлин и Стамбул на Петербург. Россия в Европе становится оплотом консервативного восточного центра, "главой Германии". Но за это австрийцы, пруссаки и турки

оказываются на грани включения в пространство России; очерчивается новая ось, уже рассекающая коренную Европу и далее охватывающая Балканы, — ось между Россией и западным, приатлантическим европейским фокусом. По сути восточный центр Европы на какое-то время становится номинальным. Эти успехи Николая I сплачивают против России первую англо-французскую *Entente cordiale*, которая в будущем выиграет Крымскую войну. Но для меня здесь важно то, как память старых балтийско-черноморских сценариев, в особенности "Северного аккорда", оказалась задействована в осуществлении этого первого большого русского натиска на Европу: все страны новой БЧС обрекались на участь — быть "миром России". Привычный для Петербурга в прошлом принцип поддержки восточного центра Европы против западного оказывался при Николае исподволь подменяем принципом попечительства над вырожденной БЧС, объединенной в одно тотальное геополитическое поле.

Но в 1853 — 1856 г., когда страхи перед революциями уже будут делом прошлым, не что иное, как стремление отстоять свои позиции в ареале БЧС (с его дунайско-средиземноморским расширением) побудит Австрию использовать любые меры для свержения петербургского патронажа. В Крымской войне Вена примкнет к противникам Николая I, что в перспективе европейской явится грубейшим просчетом, отнявшим у этой столицы последнюю возможность титуловаться в Европе восточным центром. Когда побежденная Россия отступает от европейских дел, за какие-то 15 лет (к 1871 г.) данный центр окончательно перемещается на север Германии, где, по словам Ф.М. Достоевского (в заметках к "Дневнику писателя"), и оказывается с тех пор Восточный вопрос (23). У некоторых наших политических и военных авторов при этом обнаруживается надежда договориться с новой силой о российском владении черноморскими проливами и о разделе Австрии в обмен на признание за немцами преобладания на Балтике — в их "шведской роли" (24; 16). Но к концу века открывается иная, не столь уж неожиданная реальность: Германия договором с Австрией полностью сплачивает восток Европы и, значит, в силу склеенности систем, создает в БЧС "сверхдержаву", которая затем протянется через весь балтийско-черноморский запад к — турецкому тогда — Багдаду.

В России есть давнее обыкновение истолковывать борьбу с Германией, начинающуюся в конце XIX в. как эпизод тысячелетнего отпора славян губительному для них *Drang nach Osten*. Правда, живуча и традиция германофильская, полагающая в двух мировых войнах каверзы злой западной силы, посеявшей раздрой между ранее дружественными народами. Что скажет на этот счет анализ международных конфликтных систем?

История знает разнородные варианты союзов России с германскими государствами, но среди этих вариантов нет сценария большой германской сборки в Балто-Черноморье. Наша империя была в блоке с Австрией в первой половине XVIII в.: тогда Священная Римская империя еще не принадлежала к БЧС, но обе страны-союзницы, нестыкующиеся в пространстве, одинаково рьяно противились созданию французами "восточного барьера" на землях, образующих окаймление России. Екатерина II дружила то с Пруссией, то с Австрией — по конъюнктуре перегруппировок в четырехполярной системе. Николай I был гарантом обеих этих монархий, беря весь круг новой БЧС — весь германский восток Европы и все ее турецкое преддверье, — под свою руку. В последнюю четверть прошлого века Германия была терпима для России как лидер Балтики. Для некоторых политиков (вроде дипломатов братьев Шуваловых) и идеологов (например, для Достоевского) она была мыслима даже и как главная сила европейской системы, строительница Империи Запада, которая бы провела пангерманский аншлюс "ядровой", "немецкой" Австрии и низвела даже саму Францию чуть ли не к положению своего "протектората" (25). Но для русских было совершенно неприемлемо сращивание Центральным блоком двух фокусов БЧС и затем "заход" его на сквозную, осевую германизацию всего запада этой системы, собираемого помимо России и против нее. И раз такая сборка по правилам БЧС

следовала за центральноевропейским объединением (а именно по логике данной системы в немецкой геополитике тема "Центральной Европы" всегда давала побег балканских и ближневосточных мотивов), значит, для России становился неизбежен "проатлантистский" курс. Иначе говоря, напрашивался выбор партнеров, заинтересованных в крушении Голема этой "Пан-Европы", которая не видела себя без "настоящих устьев Днепра и Дона". И впрямь, странно было бы думать, что наша империя начнет пробивать дорогу через Персию к Индийскому океану, куда не впадает ни одна ее река, и благодушно откажется навсегда от притязаний в той системе, где 300 с лишним лет протекала ее жизнь. Да еще при этом согласится взбадривать себя сентенциями (в духе писаний генштабиста А.Е.Снесарева) насчет "открытости" южных морей и "закрытости" Средиземного, игнорируя то обстоятельство, что пока Балто-Черноморье как четырехполярная система оставалось реальностью, распоряжение его западом, т.е. тремя полюсами, давало Германии в руки все карты для возобладания и над его восточным четвертым полюсом — Россией.

Итак, первая мировая война должна рассматриваться как "всеобщая война" в двух склеенных конфликтных системах: в БЧС и в европейской*. Исследуя положение боровшихся сторон с точки зрения глубинных геополитических структур, совмещенных в поверхностной конфликтной схеме, мы приходим к парадоксу. Один и тот же фактор — обусловленная склейкой систем двойственность стратегических характеристик Австро-Венгрии — породил особую уязвимость Центрального блока перед Россией и, вместе с

тем, придавал этому союзу специфический потенциал устойчивости. Относительно европейской системы Австро-Венгрия была в положении круто выдвинутого на восток противороссийского "полубарьера", подстраховывающего германский центр в его превосходстве над Францией. Но в структуре объединенного Берлином запада БЧС Австро-Венгрия пребывала ключевым связующим звеном между германской Балтикой и Турцией: добейся Россия контроля над этим относительно слабым звеном — и она имела бы перевес в масштабах всей системы. Логика войны в БЧС нацеливала наступление России в первую очередь на Австрию, а логика войны европейской гнала союзные Антанте российские войска мимо "полубарьера" — в Восточную Пруссию, прямо против германского центра. Поэтому, рассредоточив силы на две войны, русские не смогли сломать "полубарьер" (и затем стать хозяевами в БЧС) ни в Галицийской битве осени 1914 г., ни в Брусиловском прорыве лета 1916-го**.

* Я не касаюсь в настоящей работе возникшей в конце XIX в. из отпавших турецкий земель новобалканской конфликтной системы; о ней должен быть отдельный разговор.

** Во вторую мировую войну, когда БЧС уже не существовала, СССР в 1944 — 1945 гг. имел перед собой, по сути, одного противника на рыхлых пространствах-лимитрофах, где борьба шла, собственно, за ландшафты, обладавшие той или иной военно-стратегической ценностью, а не за предзаданные, дискретные позиции в системе.

И однако при таком глубинном строении Центрального блока единственный способ обеспечить ему устойчивую безопасность состоял в том, чтобы отторгнуть от России и организовать против нее давнишнюю меридиональную ось балтийско-черноморских "территорий-ориентиров". Этого и достиг Брестский мир, протянув сплошную цепь прогерманских режимов от Финляндии через Прибалтику, Белоруссию и Украину к оккупированному немцами в 1918 г. Крыму. Вот такой предстала БЧС в последний год своей истории, не то воспроизводя свой первый исторический образ — с атакуемой поляками, шведами и татарами Россией в Ливонскую войну, — не то передразнивая свой екатерининский ренессанс.

* * *

Версальский договор был смертным приговором балтийско-черноморской системе. Соединив идеологию "восточного барьера" с пафосом разрушения Центральных держав победителями, он принес тройственный курьезный результат. Во-первых, он еще больше выпятил положение Германии как единственного лидера континентальной Европы, раскрошив былой дунайский центр с его особой исторической памятью. Во-вторых, он тем самым косвенно спровоцировал Муссолини на нелепую попытку сотворения южного — средиземноморско-балканского — "империума", точно восполняющего выпадение "большой" Австрии (в первой половине 1930-х Муссолини пытался включить и остаточную Австрию в свой "империум", объявляя себя гарантом ее "независимости" от Берлина). В-третьих, этот договор во многих отношениях реконструировал на востоке обстановку позднего Средневековья, XV — начала XVI вв., возвратив поляков в "Среднюю Европу", где они, соседствуя с Чехословакией, Венгрией, "малой" Австрией, условно напоминающей домен Габсбургов, всюду требовали чего-то своего сразу и от литовцев, и от немцев, и от чехов. При такой политической организации земель уже не могла прочитываться та глубинная геополитическая структура, которая служила опорой для конфликтного паттерна XVI — XVII вв. и основанием для его воспроизводства в новом составе акторов в XVIII в. "Средняя Европа" с Польшей и БЧС — вещи несовместимые. Версальский мир сохранил базисную биполярность Европы, но Германия больше не включалась ни в какую систему на входе этого великого полуострова; да заодно и весь его восток был ввергнут в откровенную аморфность, несмотря на потуги сочинения местных "Антант". До 1919 г. метасистема "Европа — Россия" работала с опорой на схему БЧС: после Версаля ее ритм метасистемы самодовлеет.

Все последующие разновидности европейского порядка отталкивались именно от "версальской" модели, предполагая между Европой и глубиной материка не "пороговую" международную систему, а континуум цивилизационных и геостратегических лимитрофов. Этот аспект неизменен, идет ли речь о "новом порядке" Третьего рейха, о ялтинско-потсдамском обустройстве или об этом нынешнем, которое, за неимением устоявшегося термина, можно бы назвать "мальтийско-беловежским". На самом деле оно сейчас весьма напоминает два первых "версальских" года (1919 — 1920), до того как "Россия-Евразия" прибрала к рукам юг старой меридиональной оси, оставив от нее лишь независимые до поры до времени прибалтийские осколки. Сейчас, как и в те два года, эта ось от Таллинна до Симферополя цветет суверенитетами, но нет серьезной вероятности, чтобы вокруг нее сложилась какая-то международная система. Потому что не очевидны ни то множество преимущественных отношений, которое могло бы, выделившись из прочих связей, образовать такую систему, ни та глубинная географическая (и геополитическая) структура, которая могла бы через эту систему выразиться.

БЧС — объект исключительно ценный для демонстрации некоторых важнейших принципов жизни конфликтных систем. Их поверхностная структура, автономная конфликтная цепь обозначается в силу того, что по тем или иным причинам некий набор конфликтных связей обособляется от иных, временно ослабевающих. Но благодаря этому стечению обстоятельств через поверхностную структуру проступает, выделяясь из ландшафтов планеты, структура глубинная, образуемая множеством сводимых в определенный ансамбль (или гештальт) геополитических ролей. Она утверждает себя через достройку и корректировку структуры поверхностной. Но она же придает этой поверхностной структуре жизнеспособность, позволяет ей воспроизводиться даже с упадком старых центров, приглашает новые силы на фиксированные роли. А когда поверхностная структура распадается так, что роли становятся некому исполнять, глубинная структура возвращается в ландшафт, в царство потенциальности, — как бы поглощается миром.

ПОСТСКРИПТУМ О "ТЕРРИТОРИЯХ-ОРИЕНТИРАХ"

Небезынтересно, что даже с закатом и ликвидацией БЧС ее осевые "территории-ориентиры" могут по временам, уже постсистемно и внесистемно, обнаруживать те же геополитические заряды, которыми эти земли прямо-таки "полюхали" в пору ее образования и расцвета. Вторая мировая война дает нам один интереснейший факт в этом роде.

Я говорю о знаменитом свидании Сталина 4 сентября 1943 г. с православными церковными иерархами, на котором вождь провозгласил новые отношения Советского государства с Церковью, — причем не только санкционировал избрание патриарха, но и призвал Церковь к открытию семинарий и академий (26, с. 188 и ел.). По поводу причин этого события ходят различные версии. Среди них некоторые очень сомнительны — скажем, ссылка на мнимое желание Сталина к Тегеранской конференции улучшить свой имидж в глазах религиозной общественности Запада. Другие трактовки выглядят действительно правдоподобно. К таковым я отношу, во-первых, связывающую решение диктатора с возвращением советских войск на земли, пережившие при оккупации "стихийное церковное возрождение", и, во-вторых, ту, что подчеркивает его озабоченность "приручением" народов освобождаемых территорий, в т.ч. и тех, которые еще предстояло освобождать на востоке Европы (27; 26, с. 193 и ел.). Но обе эти группы предпосылок могут быть сведены вместе и существенно конкретизированы, если мы хронологически соотнесем поворот Сталина на какое-то время "лицом к церкви" с развернувшимся в августе-сентябре 1943 г. большим наступлением советской армии в Восточной Белоруссии и на Левобережной Украине, которое увенчалось к концу года занятием ею Киева и выходом на юге в низовья Днепра, а на севере — к Полесью. В связи с этим, похоже, удастся восстановить и намечавшуюся в 1943 — 1945 гг. более отдаленную перспективу сталинского решения.

Дело в том, что избранный в сентябре 1943 г. и проживший после того лишь 8 месяцев патриарх всея Руси Сергей (Страгородский) успел за этот короткий срок выступить с исключительно любопытной статьей на сугубо богословскую, по виду, тему "Есть ли у Христа наместник в Церкви?". Осудив, как и подобает, претензии на сей счет римского папства, Сергей писал: "Пожалуй, не будет ничего нарушающего <...> ход развития церковной жизни и неприемлемого в том, если бы и всю вселенскую земную Церковь когда-нибудь возглавил <...> единый руководитель или предстоятель в качестве, например, председателя вселенского собора, но, конечно, не наместника Христова, а только в качестве главы церковной иерархии; а также и в том, если таким возглавителем окажется епископ какой-нибудь всемирной столицы" (28). О какой "всемирной столице" здесь шла речь, — вряд ли могут быть сомнения. Надо согласиться с составителем оригинальной хрестоматии "Россия перед вторым пришествием", попросту обнаруживающего в этом пассаже намек на близкое выдвигание Московской Патриархии в официальные лидеры православного мира, на переход к ней того положения, которое исторически занимала патриархия Константинопольская, и прямо пишущего, что "такое заявление в то время могло появиться, разумеется, лишь по согласованию с И.В. Сталиным" (29). Скажу даже больше. Весь стиль статьи, проникнутой демонстративными колебаниями по вопросам желательности и благотворности единого земного верховенства в православии, при внимательном чтении позволяет усматривать в процитированных словах как бы вскользь формулируемый результат осторожного раздумья над неким подсказываемым со стороны вариантом, чуть ли не уступку этому варианту.

Похоже, реальное возобновление в 1943 г. института патриаршества и появляющаяся затем статья патриарха Сергея должны рассматриваться сразу в контексте и украинского наступления, приближавшего Россию-СССР к Балканам (историческим "турецким" краям), и той дискуссии, которая развернулась на Тегеранской конференции вокруг планов вовлечения Турции в войну (28 — 29 ноября 1943 г.). По ходу этой дискуссии Сталин, подчеркнуто сомневаясь в доброй воле турок и в реальном содействии с их стороны антигитлеровскому

блоку, призывал склонить Турцию к предоставлению "Большой Тройке" своих портов и аэродромов (30). Понятно, что в глазах партнеров Сталина такое предложение едва ли не выглядело аналогом "иранскому варианту" 1941 г., когда СССР и Англия объявили страну с "сомнительной" политикой своим союзником и поделили ее на оккупационные зоны. В не столь отдаленном будущем уже вырисовывалось расторжение Кремлем договора о нейтралитете с Турцией — якобы в видах его "улучшения" (март 1945 г.).

Говоря о геополитических "веяниях" тех лет, я вспомнил бы датированное мартом 1944 г. — тем же временем, когда уже была на выходе из печати статья патриарха, — стихотворение Б.Пастернака "В низовьях", где освобождение Украины прямо ассоциируется с надеждами на воскрешение и перерешение Восточного вопроса: "В том направлении берегом — Крым, / В этом — Очаков... Было ли это? Какой это стиль? / Где эти годы? / Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль? / Эту свободу? / Миг долгожданный уже на виду / За поворотом / Дали предчувствуют. В этом году — / Слово за флотом".

Анализируя некоторые перипетии конца войны и первых послевоенных лет — в том числе боевое вступление советской армии в историческую Западную Русь (далее прорыв в Подунавье и на Балканы); новый курс Сталина в отношении православия, подкрепленный в 1945 — 1947 гг. приемом в Москве церковных глав Ближнего Востока (митрополита Ливанского Илии, патриарха Антиохийского Александра); "турецкие" интересы правителя; подчеркнутое ухудшение отношений с Турцией (тут же и разгром крымско-татарской автономии в 1944 — 1945 гг.), — мы обнаруживаем в них парадоксальные событийные "рифмы" к делам 300-летней давности, третьей четверти XVII в., разыгравшимся в максимуме "цветения" БЧС. Вспомним войну России 1654 — 1667 гг. за Левобережную Украину на фоне всплеска "православного экуменизма" в Москве, никоновской реформы; Алексея Михайловича, гостеприимна восточных патриархов, примеряющего на себя миссию "освободителя Константинополя"; наконец, столкновения русских войск в 1670-х годах с турками и крымскими татарами на Украине. Сходство событийных комплексов определяется тем геополитическим зарядом, который несет Украина России как "территория-ориентир" в повторяющихся ситуациях вооруженного "воссоединения". В 1943 — 1945 гг. именно такая ситуация вызывала в сознании членов самых разных элит России-СССР ожидания, связанные с классическим Восточным вопросом. Причем для одних русских этот вопрос мог оживать в ореоле имперских предприятий конца XVIII в., как в стихотворении Пастернака, а для других — в перекличке мотивов более древних, идущих от русской идеологии времен первоначальной БЧС, от медитаций над взаимоотношениями Второго и Третьего Рима.

1. Morgenthau H.J. Politics among Nations. 5-th ed. N.Y., 1978.
2. Kaplan M.A. System and Process in International Politics. N.Y., 1957.
3. Strauss-Hupe R., Possoni S. International Relations. N.Y., 1950.
4. Waltz K.N. Theory of International Relations. — "Handbook of Political Science", Vol.8. Reading (Mass.), 1975, p.33-75.
5. Waltz K.N. Theory of International Relations. Reading (Mass.), 1979.
6. Aron R. Peace and War. N.Y., 1966.
7. Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge etc., 1983.
8. Баланс сил в международных отношениях. Э.А.Поздняков (ред.). М., 1993.

9. Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV — XVI вв. М., 1963.
10. Греков И.Б. и др. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. М., 1984.
11. Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.
12. Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
13. Цымбурский В.Л. "Европа-Россия": "третья осень" системы цивилизаций. — "По/шс", 1997, № 2.
14. Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. 1-2. Тверь-Москва, 1997.
15. Успенский Ф.И. Восточный вопрос. — Успенский Ф.И. История византийской империи. Отд.У1-УШ; Восточный вопрос. М., 1997.
16. Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынки, СПб., 1876, с.246.
17. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями. — "Pro et contra", 1997, т.2, № 3.
18. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. СПб., 1887, с.432 и ел.
19. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. М., 1995, с. 197-203.
20. Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984, с. 116.
21. См.: Соловьев С.М. Политика России во время войны за Австрийское наследство. СПб., 1867.
22. Цымбурский В.Л. Сверхдлинные военные циклы и мировая политика. — "По/шс", 1996, № 3, с.36.
23. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т.24. Л., 1982, с. 163, 171 и ел.
24. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991, с.455.
25. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Т.26. Л., 1984, с. 178 и ел.
26. Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
27. Регельсон Л. Трагедия русской церкви. 1917 — 1945. Париж, 1977, с.187 и ел.
28. Патриарх Сергей. Есть ли у Христа наместник в Церкви? — "Журнал Московской патриархии", 1944, № 2, с.16.
29. Цит. по переизданию: Русь перед вторым пришествием: Материалы к очерку русской эсхатологии. С.Фомин (сост.). Житомир, 1995, с.28.

30. Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. Изд. 4-е. М., 1987, с.277-284.